

Философские аспекты православного аскетизма

Автор рассматривает проблему мистики и аскетизма, формирование исихазма, пути спасения, воспитание послушания у монахов, особенности религиозного мироощущения и миропонимания

Ключевые слова: аскетизм, монашество, исихазм, послушание, мирозерцание

Русская Православная Церковь провозглашает три важнейшие предпосылки христианского мирозерцания – оправдание бытия, оправдание мира – космоса и оправдание человека. Бытие как проявление всеблаготворной воли Бога, мир как результат Его созидательной творческой силы и человек как образ Божий получают в христианском учении безусловное признание, оправдание и смысл. Христианство, утверждая ценность бытия, мира и человека, провозглашает не подлежащую сомнению значимость всего, что существует в замысле Бога и его исполнении, исповедует высокое предназначение человеческой личности.

Жажда бытия онтологически присуща человеку. Человек интуитивно стремится осознать сущность своего бытия. Христианин воспринимает земную жизнь не только как луч света, выхваченный из бездны небытия, но и как предвестие будущего Спасения. А значит, земная жизнь – это несомненная ценность, Божий дар, за который человек несет ответственность.

Соответственно богословие определяет смысл жизни человека. Человек – Божье творение, и, для воссоединения с Господом он должен отринуть эгоизм, присущий ему. Люди должны решиться отказаться от собственной жизни, чтобы жить исключительно жизнью Бога. Это жертвенный путь, путь соединения Творца и твари. Иисус Христос, добровольно принося себя в жертву, продемонстрировал совершенство соединения своего человеческого естества с Господом. В этом Сын Божий явил себя не просто человеком, а Богочеловеком. Именно через это самообращение Христос стал проводником вечной божественной жизни в мире.

Из концепции надмирного Бога-творца вытекают два направления деятельности христианина: аскетизм и мистика. Аскетизм, как богоугодное житие, представляет одновременно и осознанный выбор человека, и подчинение Божественной воле. Человек, как сосуд божественной воли, обращается к мистике, выраженной в форме пассивного созерцания. При очевидном противоречии активный аскетизм предполагает сдержанность и сосредоточение на угодных Богу средствах спасения, в своем высшем проявлении доходящем до отказа от всяких связей с суетным миром. С другой стороны, созерцающий мистик может оставаться в миру, уподобляясь аскету. В итоге складывается переплетение обоих путей к спасению. Для подлинного мистика всегда остается в силе тезис: тварь должна молчать, чтобы мог говорить Бог. Жизни в миру и подчинению

мирским порядкам мистик следует лишь для того, чтобы избежать искушения, и тем самым увериться в милости к нему Всевышнего.

Христианская аскеза как в своих внешних проявлениях, так и по своей сущности складывается из самых различных элементов. Наиболее распространёнными являются таинства и постные дни. В настоящее время православная церковь насчитывает семь таинств. Важнейшие христианские таинства: крещение, причащение, покаяние. Крещение и миропомазание должны совершаться над человеком один раз, очищая его от греха и приобщая к сообществу «верных»; напротив, причащение и покаяние – повторяемые таинства, предназначенные укреплять веру и прощать грехи. Есть таинства, не обязательные для каждого верующего, – елеосвящение, брак, священство. Постные дни сводятся к ограничениям в пище или воздержанию от нее, к покаянию и молитвам, имеющим целью моральное очищение человека.

Спасением от мирских соблазнов для аскета является уединение и труд. Изнурительный труд и сопровождаемая его усталость служит специфическим барьером от соблазнов и искушений земной жизни. Для аскета труд является поставленной Богом целью, и то же самое может сказать любой верующий человек, для которого труд – источник средств к существованию. Православные русские крестьяне подспудно понимали труд как особое религиозное делание. В монастырях прекрасно понимали значение труда как средства аскетических упражнений, и как послушание, значение которого трудно переоценить. Русский философ С.Н. Булгаков отмечал, что экономический потенциал православия, отличаясь коренным образом в своем отношении к миру от пуританизма и вообще протестантизма, «в дисциплине аскетического послушания» и «хождения перед Богом» имеет могучее средство для воспитания личности и выработки чувства личной ответственности, как и для всех остальных видов общественного служения» (1, 352).

Зеньковский В.В. в «Истории русской философии» пишет: «Аскетизм у русских людей всегда был явлением производным. Русский аскетизм восходит не к отвержению мира, не к презрению к плоти, а совсем к другому – он есть средство и путь к преображению мира» (2, 37).

Приобщиться к сакральным таинствам религии, ее мистическому содержанию призвана духовная практика. Своими корнями исихазм уходит в глубокую древность. Еще в VI веке практику исихазма начали разрабатывать и совершенствовать синайские и египетские отшельники. Официальное признание исихазм получил в 1351 году на Влахернском поместном соборе. Божественная суть человека покоится в его сердце. В этом заключается исходный постулат исихазма. В представлении исихастов сердце является сосудом с Божественной энергией, его раскрытие призвано помочь верующему обрести себя в Боге. Как видим, в основе учения исихастов находится понятие «энергии». Преобразование энергий, составляющих сущность исихастской практики, не затрагивает природу человека. Соединение с Богом возможно, по мнению специального «Паламического догмата» (1351 г.), как соединение человеческих и Божественных энергий. Противоречие этого тезиса заключается в том, что достичь соединения человеческой и Божественной сущности не представляется возможным. На эту метаморфозу в свое время обратил внимание преподобный Симеон Новый Богослов, подчерк-

нувший, что человек не в состоянии постичь естество Бога, вед Бог, как творец всего сущего не является ничем из сущего (3, 117). Но вот как творца и Промыслителя познать Всевышнего, при определенных условиях, человек все же может. Это возможно только в том случае, если собственная энергия человека усилится воздействием Божественной энергии или благодати.

Для практикующего исихаста деятельность заключается в «пробуждении» сердца от духовного «сна». Закрытые в сердце божественные энергии, освободившись от заточения, должны быть направлены на преобразование жизни, личности и даже самого физического тела человека, создав ощущение сопричастности Вечной Жизни. Заметим, что эти творящие субстанции находят выражение в форме действия человеческой личности. В таком контексте они понимаются исихастами. Фактически практика исихазма – это руководство по обожению человека. Современный исследователь исихазма С.С. Хоружий подчеркивает: «Исихатский опыт есть опыт духовного процесса, в котором, как предполагает традиция, осуществляется раскрытие и исполнение самой природы человека» (4, 38).

Исихастская практика выстраивается в виде лестницы. Первое стройное описание всего процесса, данное св. Иоанном Лествичником, так и называется «Лествица». Аскеза воспринимается как некий подвиг. Первая его ступень – покаяние. На начальных ступенях аскет посвящает свое бытие преодолению присущих человеку установок и структур сознания. Фундаментальные изменения всего человеческого существа начинаются на высших ступенях. На высших ступенях более явственным становится действие некой «внешней энергии», воспринимаемой человеком как приходящей к нему извне.

Чем дальше идет восхождение, тем больше нарастает спонтанность. Возникают новые формы молитвы, иногда называемые «самодвижными» – происходящими «сами собой», без усилия человека. Формировалась практика безмолвной (неслышной) молитвы, которая позволяла исихастам достичь духовного созерцания Божественного света. Исихасты ощущали мир пронизанным божественными энергиями, с которыми подготовленный человек может взаимодействовать. Взаимодействие с Богом многократно увеличивает духовные, физические и умственные силы человека, дает возможность накапливать потенциал для высшей формы творчества – подвижничества.

С.С. Хоружий пишет: «Исихазм – развитая традиция, где опыт определенным образом выверен и выстроен, организован и структурирован, он подчинен определенным критериям, и вербальной передаче его служит особый жанр, или же «аскетический дискурс», представленный в обширном корпусе текстов» (4, 37). Отшельничество, пустынночество способствовали формированию исихазма – в русле монашества уединенного. На практике исихазм находил свое выражение в уединенной жизни монашества, в уходе от мира. Все свое время монах проводил в молитвах, необходимые знания он получал от духовных наставников, старцев, служивших ему духовным ориентиром. Порядок и круг размышлений монаху определены и предписаны. Древний авва Орсисий указал на шесть святых помыслов: о Боге, о распятии Христа, о смерти, о страшном суде, об аде. Шестой – о вечной жизни. Эти размышления включают «четыре последних вещи», которые должны непрестанно занимать мысль монаха.

Для христиан свойственно понимание и осознание своей греховности, своего соучастия во зле. Борьба с грехом в себе и обращение к Богу – конечная цель жизни христианина.

Мироздание, дарованное нам Господом, Премудрость, в которой смысл мира, извращается грехом, который, в понимании святого Иоанна Богослова, есть беззаконие, то есть извращение Закона, того порядка, который дан твари Богом. Это определение глубоко бытийственно. Грех – это крушение духовной жизни. Грешит тот, кто осознанно отказывается действовать согласно Божьей воле. Зло порождает грех. Богу противостоит злое начало, «иная» материя. В христианстве проблема зла сводится к проблеме «лукавого». А «лукавый» – это отсутствие бытия, сущностная недостаточность». Как лукавый, он также и не есть сущность, ведь его природа, сотворенная Богом, добра. Начало зла коренится в свободе твари. Вот почему оно непростительно. Зло рождается только от свободы существа, которое его творит. Зло – не природа, а ее состояние. «Точнее, – пишет В.Н. Лосский, – зло есть определенное состояние воли этой природы, это воля, ложная по отношению к Богу. Зло есть бунт против Бога, то есть позиция личностная. Таким образом, зло относится к перспективе не сущностной, а личностной» (5, 147).

Борьба со своим внутренним злом – первоочередная задача любого верующего. Человек стремится к духовному совершенству – постоянно возобновляемому освобождению от плена греха, неустанному возрождению. Греческое слово «метания» (покаяние) означает не только осознание своей греховности, но и изменение отношения к Богу, человеку и к самой жизни, являющееся началом покаянного делания и исправления. Высшей ступенью покаянного подвига является решимость кающегося оставить греховную жизнь и положить начало жизни в Боге, т.е. в монашестве.

Известный германский мыслитель Адольф фон Гарнак так охарактеризовал православное монашество с позиции христианского аскетизма. «На вопрос о том, кто является христианином в высшем смысле этого слова, Христос дает ответ: это – монах. Кто соблюдает молчание и воздерживается от всего оскверняющего, – кто бежит не только от мира, но и от мирской церкви, – кто избегает не только ложных учений, но и суесловия об истинном учении, – кто проводит жизнь в посте, созерцании и непоколебимом чаянии светлого сияния божества, которое откроется его очам, – кто придает ценность только покою и размышлению о вечном, – кто хочет от жизни только смерти, – у кого из такого совершенного самоотречения и такой чистоты вытекает милосердие, – тот есть христианин» (6, 175). Опыт исихазма, многовековой опыт аскетизма был воспринят и усвоен именно монашеством. Для него становятся не актуальными и церковь, и совершаемое ею освящение. Мирская жизнь для него так же не существует. Эти аспекты дали церкви столько мощи и глубины религиозного переживания и были до такой степени преисполнены божественности, что можно утверждать – только монашество могло быть ферментом православной церкви и противовесом традиционализму, рационализму и ритуализму.

Епископ Игнатий (Брянчанинов), один из наиболее авторитетных святых русского православия, теоретик монашества нового времени, писал: «Монашество есть не что иное, как обязательство с точностью исполнять Евангельские

заповеди. Монашеская жизнь есть не что иное как жизнь по Евангельским заповедям, где бы она не проводилась, – в многолюдстве или в глубочайшей пустыне» (7, 366).

Святой Ефрем Сирийский наставляет: «Первое делание у монаха – безмолвие, то есть жизнь без развлечений ... Второе – соразмерный пост, то есть единократное в день вкушение малоценной пищи и то не до сытости. Третье – соразмерное бдение, т.е. употребление одной половины ночи на псалмопение, воздыхание и слезы. Четвертое – псалмопение, т.е. телесная молитва, состоящая в псалмах и коленопреклонениях. Пятое – молитва духовная, совершаемая умом, удаляющая от себя всякую постороннюю мысль. Шестое – чтение житий святых отцов, чтобы словами отцов побеждать страсти. Седьмое – вопрошение опытных о всяком слове и предприятии, чтобы по неопытности и самоуверенности, вздумав и сделав одно вместо другого, не погибнуть» (8, 403). За века практики, за века взвешивания и неспешной оценки собственных методов и получаемых результатов монашество сумело выработать систему, которая успешно формировала тип убежденного человека, непреклонного и готового идти за свои религиозные убеждения даже на смерть.

Реальная жизнь тысяч и тысяч реальных монахов исследована и описана во множестве работ как в специальной, научной, так и в художественной литературе. Предмет нашего рассмотрения в данном случае – идеальный инок и монастырь как высшая, по мнению церкви, система, формирующая религиозный и даже общественный идеал.

Монах – воин Христов. Это определение церкви, которым каждый инок обязательно гордился бы, не будь гордость грехом для чернца.

В монахе все – от уставных одежд до уставного поведения, походки, выражения лица и т.д. – способствует формированию религиозного мироощущения и миропонимания. Особое внимание уделяют церковные воспитатели стилю поведения. Внешнее поведение помогает созданию определенного душевного настроения.

Монастырские уставы указывали «четыре дороги», вне которых инок не должен был проявлять себя: в храм, в трапезную, на послушание, в келью. Но монах в келье должен выполнять личное «келейное правило». Оно состоит из определенного каждому иноку количества земных и поясных поклонов и молитв Иисусовой и Богородичной. Постоянный пример церковной литературы – святые, подвижники, изнурившие себя поклонами и молитвами. Они и должны были служить образцом для подражания. Монашество в целом никогда не соблюдало такой жесткой регламентации, речь идет, повторяю, об «иноке идеальном» – аскете и фанатике.

Регламентация поведения и четкая определенность круга деятельности монаха полностью исключали какого-либо рода самостоятельные действия и самостоятельную оценку происходящего.

Подвижник Оптиной пустыни преп. Макарий (Иванов) предупреждал об опасности, проистекающей от крайностей телесных аскетических подвигов, которые сами по себе не гарантируют восхождения к умозрительной части духовной жизни. Телесные подвиги помогают «излечить» сердца от эгоизма, «самоугодия» и прежде всего от душевных пороков тщеславия и гордыни, меша-

ющих человеку возвращать в себе нелицемерную любовь к ближним. «Много в нынешнем веке видим подвижников, много наставников, много таких, кто по целым ночам простаивает на молитве, но, к сожалению, очень мало смиренных и кротких, мало таких, которые украшались молчанием уст своих, а не велеречием, кои бы угощали странников, с любовью ходили за больными... т.е. мало таких, кои бы внимание для своего спасения обращали на более важные и необходимые добродетели» (9, 378). Эти слова отражают своеобразие православной аскезы, отличающие ее, к примеру, от неоплатоников и многих других мистических учений о человеке. Задача православной аскезы в нравственном ее понимании, – не просто освобождение души от чувственно-телесных привязанностей, но очищение «внутреннего человека» от душевных пороков самопревознесения, гордыни, гнева, ярости, мщениия и лукавства, обрекающих его на отчуждение от любви к другим людям и отчуждение от Бога.

Высшим обетом в аскезе, превосходящим «пост и молитву», является послушание. Аскет должен отказаться от собственного мнения, смирить гордыню и слепо следовать приказу начальствующего лица. Не рассуждать, а немедленно исполнять – в этом долг истинного аскета «Истинное послушание не смотрит, трудно или удобно, тяжело или легко то, что повелевается, но готово на всякое повеление, какое бы оно ни было» (10, 118).

В качестве универсального метода привития послушания монахи использовали старчество. Старец – вовсе не обязательно должен быть немощным стариком. Его авторитет строится на знании вероучения, морали, психологии человека. При нем постоянно находятся один или несколько учеников, которые ему абсолютно доверяют, подчиняют ему свои мысли и чувства. Старец воспитывает в учениках религиозность и послушание. Ученик умерщвляет свою волю и рассудок, становясь в своем повиновении даже не рабом наставника, а «как будто трупом в его руках».

Религиозный ренессанс 90-х годов заметно повлиял на практику православного аскетизма, резко снизив требования и критерии. Восстановление старых, известных в российской истории, появление десятка новых монастырей потребовало большого количества здоровых работников. Отсюда определенное «забвение» физической аскезы, а практика воспитания монаха методикой старчества, духовного наставничества, послушания заменяется элементарным отбором. Настоятель Зосимовой Пустыни игумен Серафим (Семилетов) объясняет: «Работа в монастыре всегда найдется. Ее много. Надо, чтобы был соблюден баланс между духовной жизнью и физическим трудом. К тому же, не так часто попадают такие люди из живущих в монастырях, которые действительно могут стать достойными и хорошими монахами. Вообще, правильно, идеально, когда в монастырь человек приходит из-за того, что он хочет Богу служить, из-за любви к Богу и спасение вечное получить. Таких людей просто поискать надо. Если одного найдешь, то это великое чудо будет».

Литература

1. Булгаков, С. Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков, С. Н. Сочинения : в 2 т. – М., 1993. – Т. 2.
2. Зеньковский, В. В. История русской философии. В 2 т. – Ленинград, 1991, – Т. 1.
3. Преподобного Симеона Нового Богослова слова. – 2-е изд. – М., 1892. – Вып. 1.

4. Хоружий, С. С. Подвиг как органон. Организация и герменевтика опыта в исихастской традиции // Вопросы философии. – 1998. – № 3.
5. Лосский, В. Н. Догматическое богословие // Богословские труды. – М., 1972. – Сб. 8.
6. Гарнак, А. Сущность христианства. – СПб., 1907.
7. Игнатий (Брянчанинов), епископ. Сочинения. Т. 5 : Приношение современному монашеству. – СПб., 1905.
8. Авва Исаак Сирий. Слова подвижнические. – М., 1999.
9. Житие оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). – Издание Введенской Оптиной пустыни, 1994.
10. Игнатий (Брянчанинов), епископ. Сочинения. Т. 3 : Аскетические опыты. – 3-е изд. – СПб., 1905.

L. B. Polshkova

Philosophical aspects of Orthodox asceticism

The author considers the problem of mysticism and asceticism, the formation of Hesychasm, the ways of salvation, the upbringing of obedience among monks, and the peculiarities of religious attitude and worldview

Keywords: asceticism, monasticism, Hesychasm, obedience, worldview

References

1. Bulgakov, S. N. Narodnoe hozyajstvo i religioznaya lichnost' [National economy and religious personality] // Bulgakov S. N. op. in 2 vols. Moscow, 1993. Vol. 2.
2. Zenkovsky, V. V. Istoriya russkoj filosofii [History of Russian philosophy] // Zenkovsky V. V. In 2 vols. Leningrad, 1991, Vol. 1.
3. Prepodobnogo Simeona Novogo Bogoslova slova [The Words of St. Simeon the New Theologian]. 2nd ed. Moscow, 1892. Vol. 1.
4. Horuzhiy, S. S. Podvig kak organon. Organizaciya i germenevtika opyta v isihastskoj tradicii [Feat as the Organon. Organization and hermeneutics of experience in the Hesychast tradition] // Horuzhy S. S. Voprosy filosofii [Questions of philosophy], 1998, no. 3.
5. Lossky, V. N. Dogmaticheskoe bogoslovie [Dogmatic theology]. Theological works. Moscow, 1972, – p. 8.
6. Garnak, A. Sushchnost' hristianstva [the Essence of Christianity]. St. Petersburg, 1907.
7. Works of Bishop Ignatius (Bryanchaninov). Vol. 5. Prinoshenie sovremennomu monashestvu [An offering to modern monasticism]. St. Petersburg, 1905.
8. Abba Isaac the Syrian. Slova podvizhniccheskie [Ascetic Words]. Moscow, 1999.
9. ZHitie optinskogo starca ieromonaha Leonida (v skhime L'va) [Life of the Optina elder hieromonk Leonid (Leo in the schema)]. Izdanie Vvedenskoj Optinoj pustyni [Publ. of Vvedenskaya Optina Hermitage], 1994.
10. Works of Bishop Ignatius (Bryanchaninov). Vol. 3. Asketicheskie opyty [Ascetic experiences]. 3rd ed. St. Petersburg, 1905.